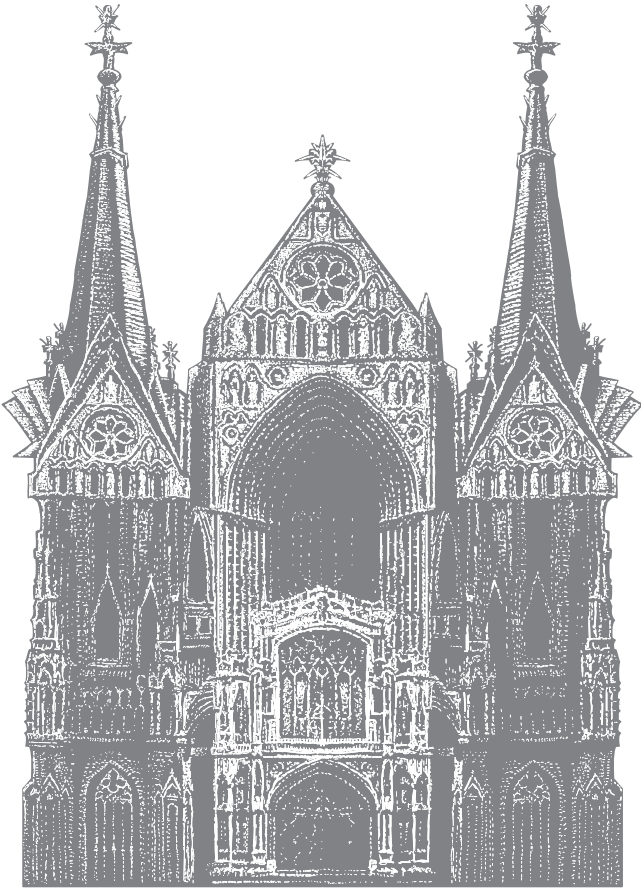

Анна Блейк

Проклятие Железного Короля

Москва
2026

Кристине Робер

Истинная дружба раскрывается не в количестве встреч,
а в молчании.

Спасибо за то, что с тобой так хорошо молчать.

Пролог

*13 ноября 1314 года
Замок Фонтенбло,
Французское королевство*

Поставив точку, я посыпал письмо мелким песком и встряхнул бумагу. Внутри себя я улыбался, снаружи сохранял бесстрастность, к которой за двадцать девять лет моего правления привык каждый.

Паж прятался в тених, надеясь, что на него не обратят внимания. Достаточно знатный, чтобы служить королю, недостаточно хитрый, чтобы использовать королевские секреты, наследник знатного рода, он исправно выполнял свои обязанности, оберегая тайну самой дорогой для меня переписки.

Убедившись, что чернила высохли, я сложил письмо, запечатал его, поставив на воске оттиск без королевской символики, и поднял взгляд. Мальчишка тут же приблизился к столу, глядя себе под ноги. Я молчал. Он дрожал от напряжения, в конце концов поднял глаза и замер. Он знал, кому предназначалось письмо. И знал, что за проступок лишится головы, а его семья — милости.

— Немедля, — проговорил я, развеивая все невысказанные вопросы разом. — Вернетесь с ответом.

— Слушаюсь, ваше величество, — пробормотал он, согнувшись в поклоне. Письмо скрылось под манжетой его ладно скроенного дублета¹.

Он вышел из шатра, я остался один. И в этом одиночестве вновь нашел ту точку опоры, которая раз за разом позволяла принимать сложные решения и выходить из любых ситуаций.

Двадцать девять лет правления. Мне сорок шесть. Возраст, в котором кто-то уже прощается с жизнью, умирая от болезней тела и души, а кто-то лишь подходит к созреванию, совершив все возможные ошибки. Кто-то закрывается в поместье, а кто-то умирает в попытке догнать молодость. Я же будто начинал жить заново и смотрел на мир прояснившимся взглядом.

Опыт. Власть. Гармония. Выбор. Долг. Сила.
Любовь.

Позволил себе улыбку, но тут же посерьезнел. После. Чувства проявляли слабость, но впервые я не воевал с ними. Принимал ее как неотделимую часть и черпал силу там, где другой бы сломался. Любовь всегда сопровождает уязвимость. Но именно любовь превращает тебя в другого человека. Именно она дарит тебе новый смысл, расширяя привычные горизонты жизни и позволяя жить не только долгом и волей.

Тронул колокольчик, призвав камердинера, который облачил меня в охотничий костюм. Закончив, он поклонился и застыл в ожидании приказа.

¹ Так в мое время называли камзол. — *Здесь и далее примечание рассказчика.*

Я привычным жестом тронул волосы, расправляя волнистые пряди, в которых проступили редкие серебряные нити. Провел рукой по дублету, разглаживая невидимые складки, коротко вздохнул и задержал дыхание, прикрыв глаза. Медленно выдохнул.

Последняя охота в этом году. Удовольствие и очередная разновидность долга. Увеселение, которое было создано для того, чтобы наблюдать, вести переговоры, убеждать. И, если повезет, время, на которое мне снова удастся забыть о том, что происходило в стране, о том, что после стольких лет я растерял самых верных и надежных своих помощников, освобожденных от службы смертью.

Выбравшись из шатра, я оглядел пеструю толпу собравшихся здесь дворян и их слуг. Ржание лошадей, запах пота, ветра и пожухлой листвы, близкого дождя и свободы. Гомон людских голосов, стихший, стоило мне откинуть полог. Поклоны, реверансы, заискивающие взгляды, страх, обожание и ненависть. Как много разных эмоций, как много мыслей, которые не требовалось читать, чтобы знать. За столько лет на троне я понимал, о чем думает каждый из приближенных.

Возможно, поэтому меня редко предавали.

Из страха.

Мне подвели лошадь. Ловчий объяснял план охоты, я изредка кивал, подтверждая его распоряжения. Замкнулся в себе, ожидая момент, когда можно будет ворваться в лес и остаться наедине с собой.

Пошел дождь. Я поднял голову, оглядывая поляну, на которой расставили десятки шатров, людей, бормочущих себе под нос проклятия. Посмотрел в небо. Можно было бы все отменить. Стоит ли? Двору тоже нужно выпустить пар. Нас ждет сложная зима и еще более сложная весна. Если для меня охота скорее обязанность, для них — редкое удовольствие и возможность.

Я стряхнул с себя оцепенение и позволил лошади сорваться с места. Поляна осталась далеко позади. Если кто-то и поскакал следом, я этого уже не слышал. Для меня существовали только ветер, мощь молодого скакуна подо мной и дикий аромат мокрой листвы.

Привычно слившись с животным, я не сразу почувствовал неладное. Как будто сам лес восстал против меня, отделив от свиты, как будто деревья расступились только затем, чтобы загнать в ловушку, как будто мир вокруг перевернулся, день сменился ночью. Стало темно.

Или нечто забрало зрение?

Выпустив повод, я прижал пальцы правой руки к глазам, но почувствовал лишь ледяную влагу дождя. Попытался остановить лошадь, но не получилось. Сжал тяжело вздымающие бока, пытаюсь понять, где нахожусь. Тонкая ветка хлестнула по лицу, рассекая кожу, я пригнулся к шее скакуна, крепче ухватился за поводья. Бесцветные силуэты деревьев, черное месиво под копытами, алые всполохи. Яростный гром разорвал приглушенный ропот леса. Молния.

Лошадь взвилась на дыбы, но я удержался в седле, тело привычно напряглось. Ржание. Запах крови. Голова взорвалась болью, налетевшей так внезапно, что я закрыл глаза. Почудилась тень, метнувшаяся под копыта, животное снова пронзительно и жалобно заржало, понесло, но только для того, чтобы остановиться, будто налетев на стену. Меня вышвырнуло из седла.

Полет.

Глухой удар.

Последнее, что я увидел перед тем, как провалиться в беспамятство, — чья-то тень с алыми провалами вместо глаз.

28-29 ноября 1314 года

Замок Фонтенбло,

Французское королевство

Железный король² беспомощен перед лицом смерти. Две недели агонии приближались к концу. Я чувствовал, как капля за каплей из меня вытекает жизнь, как тело, столько лет служившее верой и правдой, предает.

Сменялись люди и лица, приходили сыновья и братья, советники, клерки³ и приближенные. Не приходила только она, да и кто бы впустил ее в спальню короля, находящегося при смерти? Кто бы позволил? Я балансировал на краю бездны,

² Реальное прозвище. Так меня прозвали за характер и манеру вести дела. Смешно, конечно.

³ Clerc du roi (фр. — королевский клерк/юрист) — синоним вашего слова «министр».

то погружаясь в удушающий сон, то возвращаясь в реальность, где жарко растоплен камин, а у постели дежурит кто-то из слуг, где за дверью причитают подданные, уже пытаюсь наладить отношения с наследником.

Не в силах шевелиться, я мог только думать. И сожалеть.

— Так умирают короли.

Я открыл глаза, скорее удивленный самим фактом, что кто-то решил со мной заговорить. Голос, если и знаком, то смутно. Только вот человека разглядеть не удалось, я видел лишь тень, едва различимую на фоне бархатной портьеры.

Или это мираж?

Тень сместилась в центр комнаты. Зрение подвело, как и там, в лесу, я видел лишь расплывчатый силуэт.

— Правители умирают в одиночестве. Наедине со своей болью и прошлым. Ты расплачиваешься за ошибки, и ты не сможешь ничего изменить. Ни своей властью, ни своим богатством — ты бессилен пред ликом высших сил. Сил, которые тебе недоступны.

Наверное, это агония. Обычные люди умирают в невыносимых муках тела. Мне суждено встретить смерть в пытках иного рода.

— Не зря тебя называют Молчаливым, — продолжил мужчина, по крайней мере, мне казалось, что это мужчина. — Не зря тебя называют Железным. Ты и сейчас сохраняешь бесстрастность. А ведь я чувствую, что ты из последних сил держишься, чтобы не завопить от боли.

Я молчал. Даже если бы и хотел ответить — уже не смог бы.

— Я долго ждал, — продолжил незнакомец, сделав еще шаг вперед, — ждал, пока силы оставят тебя. Я долго ждал, чтобы поговорить с тобой. Так странно, король, ты всего лишь человек. И какой огромной разрушительной силой ты обладаешь. За семь лет ты смог уничтожить то, что могло — должно было — поглотить тебя. Твои руки по локоть в крови. Ты весь в крови. Но не всем твоим планам суждено осуществиться.

Я пытался сосредоточиться на его словах, но получалось плохо. Весь мир растворился, перед глазами заплескали багряные круги. Боже, если ты существуешь, я благодарен. Тьма поглотила все вокруг. Кажется, на моем лице замерла улыбка облегчения. Умереть проще, чем умирать.

Но что-то рывком вытащило меня из небытия. В голове прояснилось.

— Так просто ты не уйдешь. Я хочу договорить. Меня зовут Гильом де Шарон.

Ах вот оно что. Мой верный Ногаре⁴ плохо сделал свою работу. Я подписывал приказ об аресте де Шарона, молодого помощника великого магистра тамплиеров⁵

⁴ Гийом де Ногаре (1260—1313) — мой советник и хранитель печати. Верный друг и талантливый политик, который положил жизнь на укрепление моей — королевской — власти. Благодаря его уму и ловкости мы сумели нейтрализовать множество угроз и реализовать множество проектов, о которых до сих пор слагают легенды.

⁵ Христианский орден, созданный на заре крестовых походов (1118 год, Иерусалим). В то время тамплиеры были не просто слугами Христа, они обладали почти безграничной властью и настолько же немислимыми богатствами. Создали первую банковскую систему, обеспечивали

Жака де Моле⁶, наряду со всеми остальными. Он должен быть сожжен. Но вместо этого стоит передо мной и несет чушь.

Как он вернул меня? Я посмотрел на него, но де Шарон даже не дрогнул.

— Ты думаешь, обладаешь властью над этим миром? Ты — король, Филипп. Ты король, который будет славен в глазах потомков. Но никто и никогда не узнает, что с тобой случилось на самом деле. Я могу убить тебя. Но тем самым лишь избавлю от страданий. — Он наклонился ко мне. — Поэтому я тебя не убью. Жак де Моле горел заживо. Ты позаботился о том, чтобы он был в сознании и чувствовал все, что с ним делали твои палачи. Я хочу, чтобы ты пережил его боль. Чтобы ты пережил боль всех, кого уничтожил.

«Разве вы властны над жизнью и смертью, Гильом де Шарон, чтобы угрожать своему королю, стоя у его смертного одра?» — хотел бы сказать я, но, увы, болезнь лишила меня возможности говорить. И даже сама мысль об этом забрала непомерное количество сил. Боль навалилась, пришлось снова

деньгами правителей, в том числе и меня. Крестоносцы были опасны для королевской власти, опасны для власти Папы. И свернули с праведного пути, поверив в собственную безнаказанность.

⁶ Жак де Моле (1244/1249–1314) — последний великий магистр ордена тамплиеров. Плевать, когда он родился, но казнен весной 1314 года. Вредный, не очень умный старик, который не смог найти в себе достаточно выдержки, чтобы выбрать единственно верный путь на политической арене. Превратил меня в своего врага, хотя изначально я был настроен к нему миролюбиво. Превратил во врага Папу. Его систематические ошибки привели к тому, что орден был стерт с лица земли.

закрыть глаза, молясь о том, чтобы выражение лица не выдало истинного состояния. Король не имел права на проявление слабости.

Странно, но де Шарон ответил так, будто услышал мои мысли.

— «Своему королю»? — В его тоне улавливались угрожающие нотки, но при этом он казался спокойным. — Тебе недолго осталось быть королем. Ты ничего не знаешь об этом мире. И о другом. Более могущественном, чем этот. Ты надеешься, что умрешь и все закончится? Поверь мне — все только начинается.

Меня не тронули его слова. Все сказанное казалось чушью. И вместе с тем по шее и спине пробежал озноб. Лихорадка? Предсмертная судорога? Он говорил о другом мире, но я не верил в загробную жизнь.

— А кто говорит о жизни загробной? Я пришел, чтобы в последний раз посмотреть на короля Филиппа IV Красивого, Железного короля Франции, короля Наварры из династии Капетингов. Ведь как бы ни закончилась эта ночь, завтра его не будет, ведь как бы ни закончилась эта ночь, завтра его ждет новая жизнь. Ты будешь молить о смерти, Филипп. Но она не придет. Она никогда к тебе не придет. Моле не встретит тебя в аду. Но ты станешь свидетелем того, как твоя династия гибнет. Как умирают твои дети. Как Франция разваливается на части без сильного властителя. А пока... Король умер? Страна должна почтить его память.

Часть первая

Бессмертные — слишком щедрый
дар для тебя

